

УДК 351.746.1 «1922/29»
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-89-104

Прокуратура Сибири в 1922–1929 годах: иллюзия независимости и реальная практика

В. И. Исаев , Д. Ю. Михеев

*Институт истории СО РАН; Новосибирский военный институт войск национальной гвардии РФ
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследуются проблемы становления института прокуратуры на территории Сибири в 1920-х гг. На основе архивных материалов и опубликованных источников освещены проблемы организации и деятельности органов прокуратуры в Сибири. Показаны их попытки отстаивать советскую законность в сибирской деревне в условиях фактической подчиненности партийным и советским органам. Выявлены трудности и противоречия в деятельности правоохранительной системы в советском государстве, в котором правившая партия большевиков по существу отрицала принципы независимости ветвей власти. Особенно это проявилось в хлебозаготовительных кампаниях конца 1920-х гг., ставших поворотным моментом в отказе от политики НЭП и «нэповской» законности. Сделаны выводы о том, что прокуратура в советском государстве не могла в полной степени выполнять свою функцию неукоснительной защиты закона, так как ее независимость была лишь декларативной.

Ключевые слова

прокуратура, крестьянство, Сибирь, советы, партийные органы, правовые нормы, законность

Для цитирования

Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Прокуратура Сибири в 1922–1929 годах: иллюзия независимости и реальная практика // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 89–104. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-89-104

Prosecutor's Office of Siberia in 1922–1929: Illusion of Independence and Actual Practice

V. I. Isaev, D. Yu. Mikheev

*Institute of History SB RAS; Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article explores the issues of the formation and activities of the prosecutor's office in the 1920s as an institution of the Soviet state, called upon to exercise supervision over the observance of its laws by all actors of public life, including party and state bodies. The relevance of this topic is determined by the difficulties in the formation of the rule of law and civil society in modern Russia, largely due to the influence of the historical legacy of the Soviet period. It is noted that the introduction of the New Economic Policy (NEP) led to an increase in the role of law in public life, which

© В. И. Исаев , Д. Ю. Михеев, 2019

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 1: History

allowed the prosecutor's office to strengthen its authority in both the state and among the population. The number of citizens appeals to the Prosecutor's Office of Siberia grew from 12,400 in 1924 to 27,100 in 1925. During the period between 1925–1927 alone, the prosecutor's office of Siberia initiated over three thousand criminal cases against individual workers of local authorities. However, the later rejection of the NEP, which manifested itself most clearly in the grain procurement campaigns of the late 1920s, essentially meant a return to "military communism"; a system more familiar and convenient for the ruling stratum. The prosecution authorities had to adapt to the Stalinist course, which was aimed at abandoning the legitimacy of the NEP. Sources show that a significant number of prosecutors in Siberia, not ready to accept such violations of the rule of law, were suspended from work. The study of the history of the structures of the prosecutor's office of Siberia in the 1920s clearly demonstrates the origins of the transformation of the Soviet state, which proclaimed itself the democratic power of workers and peasants, while turning into a totalitarian regime dominated by party nomenclature.

Keywords

prosecutor's office, peasantry, Siberia, councils, party bodies, legal norms, legality

For citation

Isaev V. I., Mikheev D. Yu. Prosecutor's Office of Siberia in 1922–1929: Illusion of Independence and Actual Practice. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 1: History, p. 89–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-1-89-104

Проблемы становления, расцвета и крушения общественного устройства, вошедшего в историю под названием «советский (или сталинский) социализм», остаются остро актуальными для российских историков, продолжают активно исследовать их и зарубежные ученые. Дополнительную актуальность этим проблемам придают противоречия и трудности в формировании правового государства на нынешнем этапе развития российского общества.

Ведущим институтом правового государства должна быть независимая прокуратура, не допускающая нарушения закона, в том числе, и со стороны государства. Однако становление подлинно независимой прокуратуры в современной России наталкивается на трудности и привычки, обусловленные влиянием исторического наследия советского периода. Таким образом, извлечение уроков из опыта создания и деятельности прокуратуры в советское время является необходимым условием для утверждения институтов правового государства в Российской Федерации.

В статье данная проблема будет рассмотрена на примере становления и развития органов прокуратуры на территории Сибири. Цель статьи – показать место и роль прокуратуры в системе управления регионом.

Историография темы, в которую, по нашему мнению, следует включать не только работы, посвященные непосредственно истории советской прокуратуры, но и в широком плане всю литературу по истории правоохранительной системы советского государства, логично разделяется на советский «подцензурный» период и постсоветский, когда открылись возможности для ее объективного исследования. В советский период было опубликовано значительное количество исторической и юридической литературы, в которой можно было найти большой объем фактических данных, но практически отсутствовал серьезный анализ реального положения права и прокуратуры в советском государстве (см.: [Из истории прокуратуры..., 1967; Марина, 1973; Советская прокуратура..., 1982; Курицын, 1983; Тербилов, 1987] и др.). Более подробный обзор историографии был сделан нами ранее [Исаев и др., 2014. С. 4–11].

В постсоветский период отпали цензурные и идеологические ограничения, открылись ранее недоступные архивы и другие источники, что позволило по-новому осветить историю правоохранительной системы СССР, в том числе, показать и специфическое положение прокуратуры. Появились обстоятельные и хорошо фундированные работы, рассматривающие эту тему

на общероссийском уровне (см.: [Советская прокуратура..., 1993; Рассказов, 1994; Звягинцев, Орлов, 1998; Кудрявцев, Трусов, 2000] и др.).

Думается, что наряду с рассмотрением темы в масштабах страны необходимо подробно изучать деятельность прокуратуры на региональном уровне. В последние десятилетия вышло несколько монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные истории прокуратуры в отдельных областях и краях нашей страны, в том числе, и в Сибири [Око государево..., 2001; Булгаков, 2002; Яковлев, Рассамахин, 2004; Кокоурова, 2006; Гридунова, 2010]. Среди авторов, непосредственно изучавших состояние законности в Сибири в 1920-е гг., следует особо выделить А. П. Угроватова, посвятившего монографию проблеме соблюдения законности в период НЭП [1997].

Разумеется, исследование данной темы далеко не исчерпано. В частности, важно продолжить изучение истории прокуратуры на материалах Сибири как одного из наиболее крупных и важных регионов страны, игравшего значимую роль в развертывании модернизационных процессов. В данной статье мы попытаемся осветить становление института прокуратуры на территории Сибири и показать особенности ее деятельности в 1920-е гг., связанные с противоречивостью ее статуса независимого надзорного органа в условиях становящегося тоталитарного режима большевиков.

В качестве методологической основы нами используются традиционные исторические методы, а также метод системного анализа, позволяющего рассматривать прокуратуру как элемент общественно-политической системы СССР 1920-х гг.

Территориальные рамки исследования включают сибирский регион в административных границах Сибирского края. Так как население Сибири в 1920-е гг. почти на девять десятых состояло из крестьян, в статье рассматривается, прежде всего, деятельность прокуратуры в сибирской деревне.

Хронологические рамки заданы созданием прокуратуры в 1922 г. и рубежом 1929/1930 г., когда произошел отказ от НЭП и переход к формированию командно-административной системы. Это обусловило серьезные перемены и в правовой сфере.

Источниками исследования являются архивные документы партийных, советских и правоохранительных органов «сибревкомовской» Сибири, позднее Сибирского края, а также опубликованные в периодической печати материалы, позволяющие изучить различные аспекты деятельности сибирской прокуратуры.

После взятия власти большевистской партией в одном из первых декретов, относившихся к сфере права, было провозглашено полное отрицание правовых институтов и норм Российской империи, была ликвидирована и прокуратура. На протяжении 1918–1921 гг. вряд ли вообще можно было бы говорить о соблюдении законности. С переходом к НЭПу отсутствие в государственном механизме надзорного органа, отвечающего за соблюдение законов, начинает ощущаться как серьезный недостаток. Идея восстановления института прокуратуры стала оживленно обсуждаться примерно с середины 1921 г.

В начале 1922 г. Наркомат юстиции РСФСР разработал принципы, функции и определил сферы деятельности прокуратуры. Принципиальное значение для утверждения института прокуратуры имела позиция В. И. Ленина, высказанная им в письме от 20 мая 1922 г. в Политбюро ЦК РКП(б) «О “двойном” подчинении и законности», где он потребовал обеспечить независимость прокуратуры от органов исполнительной власти на местах [1970. Т. 45. С. 197–201]. 28 мая 1922 г. ВЦИК РСФСР утвердил «Положение о прокурорском надзоре», в котором ленинская точка зрения была закреплена законом (СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424).

Однако важность и необходимость независимой прокуратуры в советской России не являлась общепризнанной; более того, значительная часть советского чиновничества встретила

в штыки даже саму идею организации прокуратуры. Революционный переворот и гражданская война выдвинули в руководящий слой людей, для которых главным в области права стал принцип «революционной целесообразности», иначе говоря, интересы революции ставились выше всякого закона. Управлять для них значило распоряжаться по своему усмотрению, не подчиняясь каким-либо нормам права.

В Сибири это проявилось наиболее наглядно. В среде партийного и советского руководства сибирского региона популярны были взгляды, отрицавшие вообще необходимость органов прокурорского надзора. Например, против их создания выступали председатель Сибревкома М. М. Лашевич и П. Г. Алимов, ставший позднее первым областным прокурором Сибири. Разделяли такие взгляды даже судьи, казалось бы, кровно заинтересованные в создании прокуратуры. Например, в Омской губернии съезд народных судей, проходивший в декабре 1921 г., высказался против организации прокуратуры¹.

Сибирский съезд работников юстиции, состоявшийся в январе 1922 г., принял резолюцию, в которой по существу выступил против создания органов прокурорского надзора. С такими настроениями делегация из сибирского региона (включавшая 21 юриста) прибыла в Москву на IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (январь 1922 г.). Но в докладе председателя Революционного (Верховного) трибунала при ВЦИК РСФСР Н. В. Крыленко была убедительно показана необходимость создания прокуратуры; сибирские юристы вынуждены были согласиться с общим мнением².

В марте 1922 г., еще до принятия декрета о создании прокуратуры, отдел юстиции Сибревкома приступил к подбору работников для надзорных органов³. В августе 1922 г. были назначены прокуроры сибирских губерний, затем помощники губернских прокуроров по уездам. В сибирском регионе в 1922/23 г. приступили к работе 45 специалистов, что составляло только около половины от требовавшегося состава, в течение 1924–1925 гг. число работников прокуратуры выросло до 80 чел.⁴

Неокрепшие органы прокуратуры на первых порах почти повсеместно натолкнулись на пассивное отношение со стороны партийного и советского аппарата, а кое-где прямо враждебное. Примеров этому в документах тех лет встречается немало. Так, в Щегловском уезде в августе 1922 г. помощник прокурора сделал доклад о правах и обязанностях прокурора. Выслушав доклад, председатель уездного исполнительного комитета советов стал резко протестовать против права прокурора наблюдать за законностью действий исполкома. Он по-своему определил рамки, в которых, по его мнению, должна действовать прокуратура: «Наблюдай за милицией, лови уголовников, но не роняй престиж власти, не подрывай УИКа, – это контрреволюция» [Мокеев, Лаговиер, 1926. С. 19].

В 1923 г. томский губернский прокурор Я. Е. Орлов в соответствии со своими полномочиями настаивал на праве осуществлять надзор за действиями губисполкома, что вызвало серьезный конфликт между ним и руководством губернии. Губисполком обратился в партийные органы и добился снятия его с должности. Новый прокурор Томской губернии Гуревич столкнулся с тем, что председатель губисполкома вообще перестал допускать работников прокуратуры к предварительному просмотру проектов постановлений. После неоднократных обращений в Наркомат юстиции РСФСР с жалобами на самоуправство председателя, прокурор вынужден был уволиться [Отчет 4-го губернского съезда..., 1924. С. 43–44].

¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 398. Л. 28; Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 102.

² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 17. Л. 48; Д. 18. Л. 53.

³ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.

⁴ Там же. Д. 104. Л. 2, 4.

Несмотря на все лозунги о власти Советов, в большевистской России достаточно рано сложилось понимание того, что на самом деле реальная власть в стране принадлежит партийным органам. Именно они могли бы помочь прокуратуре, поднять ее авторитет и значимость. Однако большинство партийных активистов только теоретически признавали необходимость строгого выполнения законов, но на практике руководствовались принципом революционной целесообразности. Например, в письме Сиббюро ЦК РКП(б) от 5 января 1922 г. о задачах проведения продналога местным партийным и советским работникам рекомендовалось «не увлекаться юридическими тонкостями в ущерб прямым интересам дела..., карательную политику поставить в строгое соответствие с основной задачей – собрать продналог, не ослаблять требуемый нажим»⁵.

Такое двойственное отношение к законности приводило к постоянным конфликтам партийных и советских органов с прокуратурой. Так, в Алтайской губернии прокуратура в течение 1923–1924 гг. неоднократно выступала против нарушений закона со стороны губернского руководства, что вызывало недовольство и ответные меры. В течение короткого периода сменилось три работника на должности губернского прокурора, никто из них не смог долго выдерживать создавшейся нервной обстановки⁶.

Господствующее положение партийных органов в иерархии советской власти было обеспечено тем, что именно парткомы подбирали и утверждали кандидатуры на должности прокуроров. К тому же почти все прокуроры являлись коммунистами, что позволяло парткомам осуществлять контроль над органами прокуратуры и оказывать в необходимых случаях мощный нажим на прокурорских работников под угрозой исключения из партии.

Парткомы активно использовали кадры прокуратуры для заполнения вакансий в партийном и советском аппарате. Пройдя в прокуратуре основательную теоретическую и практическую школу, многие коммунисты становились ценными работниками, которых стремились привлечь другие организации. Только в 1924 г. в Сибири на партийную работу были переведены восемь помощников прокурора⁷.

Пренебрежение к прокуратуре базировалось не только на господствующем положении партийных органов, но и на фактической независимости советской номенклатуры от закона. Например, 16 марта 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О порядке привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов». В п. 19 губернскому прокурору предписывалось «...не производя по делу никаких следственных действий, направить материалы и свое заключение прокурору Республики на распоряжение и для согласования с ЦК РКП»⁸.

Вопрос о взаимоотношениях между партийными органами и прокуратурой с самого начала ее создания оказался болезненным, вызывал много споров. В частности, он обсуждался на совещании губернских прокуроров Сибири и Дальнего Востока, открывшемся в Новониколаевске 1 августа 1923 г. Сибирский прокурор П. Г. Алимов в ходе совещания прямо отрицал принцип независимости прокуратуры: «Прокурор как носитель власти и как член партии обязан подчиняться ей. Следовательно, во всех случаях обострений и конфликтов серьезного значения на местах он должен обращаться в губком...».

Несколько иную позицию занял прокурор Дальневосточной области Е. М. Дебрев: «...подсказывается надобность в детальной разработке и полном выявлении положения и границ влияния органов партии на деятельность прокуратуры». Однако большинство участников не решилось серьезно поставить вопрос об определении таких границ. Не нашла поддержки и позиция про-

⁵ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 31. Л. 149.

⁶ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7. Л. 10, 78, 98.

⁷ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 4.

⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 129. Л. 117.

курора Енисейской губернии Б. М. Гуровича: «...во взаимоотношениях с парткомами надо поставить задачей применять методы работы, ничуть не роняющие значение и авторитет губпрокурора и не дающие поводов к мысли о соглашательстве»⁹.

Тем не менее прокуратура постепенно завоевывала авторитет у населения Сибири, поскольку она, по сути, была единственной государственной структурой, защищавшей граждан от произвола местных партийных и советских чиновников, привыкших за годы «военного коммунизма» к самоуправству. Старалась укреплять авторитет сибирской прокуратуры и местная пресса, пропагандируя ее работу. Областная газета «Советская Сибирь» посвятила итогам первого года существования сибирской прокуратуры статью, в которой, в частности, отметила, что рост обращений граждан в прокуратуру с жалобами на нарушение законов свидетельствует о ее популярности в народных массах. Действительно, число жалоб в новониколаевскую губпрокуратуру с 464 за первые полгода работы выросло до 1 227 за второе полугодие (Советская Сибирь. 1923. 7 сент. С. 3).

В июле 1925 г. газета опубликовала обзор о состоянии законности в Томской губернии, сделав вывод о повышении требовательности крестьян к органам прокуратуры. «Частенько стали поговаривать деревенские работники о революционной законности. Толкуют о законе и крестьяне... Работники села научились критически относиться ко всяким распоряжениям, требуя их законного обоснования» (Там же. 1925. 12 июля. С. 3).

К середине 1920-х гг. в стране и в регионе наметились позитивные тенденции в борьбе за законность, в определенной мере улучшилось положение прокуратуры. Однако тенденции укрепления правопорядка наталкивались на укоренившуюся привычку к командно-административному стилю работы у партийных и советских работников, особенно по отношению к крестьянству.

Состоявшийся 25–27 октября 1924 г. пленум ЦК РКП(б) принял курс на оживление работы сельских советов, на втягивание в их работу беспартийных крестьян. Этот курс партии в агитационной работе получил название «лицом к деревне». Важно отметить, что пленум ЦК потребовал неукоснительного соблюдения советских законов. Принцип революционной целесообразности должен был уступить место строгому следованию нормам законодательства в их жестко определенных формулировках [КПСС в резолюциях..., 1984. Т. 3. С. 301–303].

Курс на укрепление законности провозгласила и XIV конференция РКП(б), проходившая в апреле 1925 г. В резолюциях конференции было записано: «...основной директивой партии должно быть оживление Советов и улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти со смелым и решительным переходом на линию революционной законности и искоренения остатков военного коммунизма в административно-политической работе...» [Там же. С. 354–355].

Таким образом, задачи укрепления законности требовали повышения авторитета прокуратуры, внимания к ее работе со стороны партийных и советских органов. Выступая перед красноярскими коммунистами с рассказом об участии в работе конференции, секретарь Сибкрайкома РКП(б) Р. Я. Кисис подчеркнул: «На конференции был поставлен вопрос о революционной законности, имея в виду прекращение всякого произвола в деревне»¹⁰.

Острая необходимость серьезной работы по укреплению законности подтверждается многочисленными примерами на материалах сибирского региона. Прошедшее зимой 1924/1925 г. обследование ряда сибирских деревень специально сформированными одиннадцатью комиссиями выявило серьезные проблемы во взаимоотношениях крестьянства и местных органов власти. Среди деревенских коммунистов были распространены военно-коммунистические настроения,

⁹ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 11, 12, 14.

¹⁰ Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 469. Л. 34.

преобладал командно-административный уклон в руководстве советами и другими сельскими учреждениями. В результате работы комиссий было исключено из РКП(б) около 5 % сельских коммунистов, также почти 25 % партийцев получили различные взыскания¹¹.

Остроту проблемы в обобщающем докладе по итогам обследования обрисовал полномочный представитель ОГПУ по Сибири И. П. Павлуновский: «Законность в деревне не проведена еще. Это раздражает крестьян. ...Проведение законности в деревне – одна из основных задач партии и Советской власти»¹².

В марте 1925 г. Рубцовский уком партии сообщал в губком: «Отмечается политическая безграмотность и отсталость коммунистов от более активной части крестьянства – зажиточных, которые во многих случаях являются толкователями советских законов в деревне». Мариинский уком партии в июле 1925 г. отметил: «Крестьянин политически растет быстрее партийца. Крестьяне не боятся подчас подправить коммуниста на основании закона»¹³. Сложившееся положение требовало усиления роли и влияния органов прокуратуры в сибирской деревне.

На первом съезде Советов Сибирского края (декабрь 1925 г.) в выступлении председателя Сибревкома М. М. Лашевича много внимания было уделено вопросам укрепления революционной законности. Резкая критика произвола местных работников, прозвучавшая в его докладе, означала поворот в сторону неуклонного соблюдения законов. Избрание съездом краевого прокурора П. Г. Алимова членом президиума Сибкрайисполкома также должно было заставить работников советских органов более уважительно относиться к деятельности прокуратуры по укреплению законности¹⁴.

Постановления высших органов РКП(б), решения региональных инстанций позволили активизировать борьбу прокуратуры Сибири за соблюдение законов. В 1925 г. было возбуждено против сотрудников райисполкомов 41 уголовное дело, против председателей и секретарей сельских советов – 125, работников кооперации – 35, сотрудников милиции – 105. Обследование прокуратурой шести районов Барабинского округа в первые три месяца 1926 г. выявило около двухсот нарушений законности. В первой половине 1926 г. Бийская окружная прокуратура возбудила 110 уголовных дел по рабселькоровским заметкам.

Краевой прокурор П. Г. Алимов в статье в газете «Советская Сибирь» сделал вывод о том, что «прошедший 1925 год дал определенный сдвиг в проведении революционной законности и отношении к этому вопросу... Возрастающее количество подаваемых прокурорскому надзору жалоб также говорит за это». Действительно, количество жалоб от граждан выросло с 12,4 тыс. в 1924 г. до 27,1 тыс. в 1925 г. Но Алимов также отметил, что положение в деревне с соблюдением законности далеко еще от благополучного (Советская Сибирь. 1926. 9 марта. С. 2).

В целом в период НЭП происходило постепенное отступление от революционного «беспредела» времен Гражданской войны. Наблюдалось стремление к нормализации жизни, в том числе, и к соблюдению законов. В решениях Сибкрайкома ВКП(б), принятых в 1925–1927 гг., постоянно присутствуют требования к низовым партийным комитетам принять все возможные меры для укрепления законности (Известия Сибкрайкома РКП(б). 1925. № 1. С. 30; № 4/5. С. 27, 30, 31; № 6/7. С. 44; 1926. № 1. С. 35; № 2. С. 36; № 3. С. 51; № 4. С. 33, 55; № 5. С. 34; № 7. С. 36; № 8. С. 58–59; 1927. № 6/7. С. 85, 89).

Создание благоприятной атмосферы для работы прокуратуры позволило усилить борьбу за законность в регионе. Население Сибири стало относиться к прокуратуре с большим до-

¹¹ Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 58 Л. 5, 6, 11, 13.

¹² Там же. Л. 35.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 727. Л. 165; Оп. 2. Д. 23. Л. 17.

¹⁴ Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 105. Л. 102–103.

верием, как к своему защитнику. Проходившие в рамках избирательных кампаний собрания крестьян принимали резолюции о повышении внимания к прокуратуре, поддержке ее усилий по обеспечению законности (Советская Сибирь. 1925. 13 авг.; 1926. 3 авг., 20 нояб.).

Численность работников прокуратуры Сибири постепенно увеличивалась, в том числе, и благодаря административно-территориальным преобразованиям по созданию и районированию Сибирского края; с разделением территории края на округа в каждом из них организовывалась прокуратура. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 23 ноября 1925 г. было введено в действие Положение о судостроительстве в Сибирском крае, в котором определялась и структура прокуратуры, а также уточнялись полномочия краевого прокурора (СУ РСФСР. 1925. № 82. Ст. 619). Число прокурорских работников в сибирском регионе выросло с 80 в 1925 г. до 161 в 1926 г. и до 173 в 1929 г. [Два года работы..., 1929. С. 145].

Приведенные материалы позволяют сделать вывод о том, что прокуратура Сибири к середине 1920-х гг. окрепла и приобрела заметное влияние на состояние дел в регионе. Об этом, в частности, свидетельствуют впечатляющие результаты деятельности органов прокуратуры в сибирской деревне за три года, представленные в табл.

Работа органов прокуратуры Сибири в деревне в 1925–1927 гг. *
Siberian Prosecutors Office's Works in Rural Areas in 1925–1927

Годы	1925	1926	1927
Кол-во выездов прокуроров в села	299	597	822
Кол-во дней в командировках	1 694	3 369	5 832
Произведено обследований работы советских органов	1 091	1 419	2 186
В том числе:			
райисполкомов	235	248	339
сельских советов	401	486	788
райземкомиссий	71	233	336
других организаций	384	452	726
В том числе:			
районных отделов милиции	св. нет	288	449
народных следователей	св. нет	164	277
Возбуждено преследований против работников низовых органов власти	326	1 613	1 635
В том числе:			
уголовных	308	1 458	1 306
дисциплинарных	18	155	329
Прочитано докладов на правовые темы	928	1 258	1 652

* Табл. составлена по: [Отчет прокуратуры..., 1926. С. 60, 64, 66, 78]; (Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 2. С. 14–15); ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1238. Л. 32; ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 219. Л. 151–154; Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 155. Л. 4.

В то же время следует отметить, что наметившиеся тенденции к укреплению советской законности были еще довольно хрупкими, слабо укорененными в среде партийного и советского чиновничества. Далеко не все коммунисты были готовы руководствоваться в своих действиях нормами права. У многих сохранялись настроения и взгляды времен «военного коммунизма», обусловившие скрытое сопротивление отмеченным тенденциям.

Подтверждение сказанному можно наблюдать, например, в позиции избранного в 1926 г. на пост секретаря Сибкрайкома ВКП(б) С. И. Сырцова. 19 апреля 1927 г. крайком заслушал и обсудил доклад краевой контрольной комиссии «О состоянии прокуратуры». В нем на прокуратуру обрушился поток критики, обвинявшей ее во всех грехах: в бюрократизме, в волоките, тормозившей работу милиции, следствия и судов. Как свидетельствует стенограмма заседания, практически все его участники дружно ругали прокуратуру за отсутствие у ее работников политического чутья, за то, что она якобы борется не с теми преступлениями.

В ходе обсуждения многое зависело от позиции первого секретаря крайкома. Но Сырцов неожиданно поддержал резкую критику работы органов прокуратуры. В его выступлении прозвучало несколько тезисов, явно напоминавших о временах «военного коммунизма». Во-первых, Сырцов вообще отрицательно оценил усиление борьбы прокуратуры за законность: «Сейчас у всех учреждений: и у судебных органов, и у прокуратуры особенно, какая-то сплошная мания: все должны быть под судом, все друг друга отдают под суд». А стремление сельского населения с помощью прокуратуры отстаивать свои права секретарь крайкома охарактеризовал как «полосу кляуз, которая охватила крестьян, особенно его зажиточные слои».

Во-вторых, Сырцов обвинил прокуратуру в формализме, стремлении контролировать всех и вся, взвалить на себя непомерно большой груз вместо того, чтобы «брать только наиболее существенное...», т. е. брать наше главное звено, а они (работники прокуратуры. – В. И., Д. М.) ставят задачу привлекать всех»¹⁵.

Примечательно, что в выступлении Сырцова не были даже поставлены проблемы, которые были особо важны для улучшения работы прокуратуры: увеличение финансирования, расширение сети прокурорских участков, численности сотрудников, их профессиональной подготовки. Не было сказано и о необходимости заботы партийных комитетов об авторитете прокуратуры, поддержке ее в конфликтных ситуациях.

Позиция партийного руководства края по отношению к прокуратуре сказывалась и на ее положении на местах. Вновь наметилось отчуждение прокуратуры от партийных комитетов, снижение уровня ее авторитета среди работников аппарата. Стали возрождаться взгляды на прокурорский надзор и процесс укрепления законности как на препятствие в деле выполнения директив руководства партии и государства.

Подобные тенденции в 1926–1928 гг. были характерны не только для Сибири, они проявлялись и на общегосударственном уровне. В политике партии в деревне усиливался классовый подход. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль 1926 г.) в резолюции «Об итогах перевыборов советов» указал на необходимость усиления борьбы с кулачеством, которое якобы пытается прикрыться «революционной законностью» [КПСС в резолюциях..., 1984. Т. 4. С. 37–46]. Такие же тенденции просматриваются и в решениях XV конференции ВКП(б) (октябрь–ноябрь 1926 г.) [Там же. С. 77].

Окончательный поворот к отказу от «нэповской» законности ознаменовали решения XV съезда большевистской партии (декабрь 1927 г.). В них были ясно указаны новые ориентиры в политике партии в деревне, обозначающие переход к наступлению на зажиточное крестьянство [Там же. С. 285, 288, 305, 307–309]. Эта политическая установка, направленная на противо-

¹⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 203. Л. 362, 365, 374, 391.

поставление основной массы крестьянства и ее зажиточной части, отрицала принцип защиты интересов всех граждан.

Не мог не сказаться такой поворот и на деятельности органов прокуратуры. Наиболее радикальным переменам подверглось положение прокуратуры в период хлебозаготовительного кризиса, возникшего зимой 1927/1928 г. В стране в целом и в Сибири для преодоления трудностей в хлебозаготовках стали осуществляться мероприятия, серьезно нарушавшие принципы и нормы советского законодательства. В частности, в Сибирском крае был организован неконституционный орган власти – «хлебная тройка» (Р. И. Эйхе – председатель крайисполкома, С. И. Сырцов – первый секретарь крайкома партии, А. М. Злобин – заведующий торговым отделом крайисполкома)¹⁶. В каждый округ краевая «тройка» направила своего уполномоченного. Аналогичные структуры были созданы в округах и районах (окружные и районные «тройки»). Уполномоченные «хлебных троек», по существу, подчинили себе все местные органы власти, в том числе, прокуратуру и суд.

Краевая «тройка» приняла сомнительное с правовой точки зрения решение привлекать к уголовной ответственности держателей крупных запасов хлеба по ст. 107 УК РСФСР, предусматривающей наказание в виде лишения свободы и конфискации имущества за спекуляцию дефицитными товарами. 13 января 1928 г. соответствующий циркуляр был направлен в округа. Для устрашения крестьянства 15 января 1928 г. краевая «тройка» приняла также постановление о привлечении в каждом округе к уголовной ответственности по ст. 107 УК от четырех до десяти кулацких хозяйств, располагавших большими запасами хлеба. (Проблемы нарушения законности в хлебозаготовительных кампаниях в конце 1920-х гг. подробно рассмотрены в работах сибирских историков [Исаев и др., 2014. С. 112–156]).

Для выполнения этих решений были распределены роли и функции всех властных структур Сибирского края. Органы ОГПУ должны были выявлять держателей хлеба, которые привлекались к уголовной ответственности; их дела рассматривались судами, а также «тройками», действовавшими от имени Особого совещания ОГПУ. Особое значение придавалось проведению судами показательных процессов по ст. 107.

На милицию возлагалась задача оказывать помощь в изъятии хлеба, в исполнении судебных решений. Прокуратуре надлежало обеспечить общий надзор за соблюдением законности во время проведения хлебозаготовительной кампании, в том числе, за оперативным выполнением всех решений, принятых краевой хлебной «тройкой».

17 января 1928 г. в Новосибирск прибыл И. В. Сталин. Судьба советской законности, а также ее защитника – прокуратуры, в большой степени зависела от позиции генерального секретаря ЦК ВКП(б). На совещании в Новосибирске 18 января Сталин потребовал изменить разработанный порядок проведения чрезвычайных мероприятий. Согласившись в принципе с расширительным использованием ст. 107 УК, Сталин предложил осуществлять ее применение не от имени ОГПУ, а от имени прокуратуры. По его мнению, крестьянство больше доверяет прокуратуре и поддержит ее карательные меры против держателей хлеба. Таким образом, прокуратура, по сути, превращалась из надзорного органа в исполнительный. Более того, работу прокуратуры теперь должны были контролировать уполномоченные «троек».

Чтобы сделать прокуроров и судей Сибири послушными исполнителями чрезвычайных директив, Сталин обвинил их в тесных связях с антисоветскими, кулацкими элементами, потребовал очистить органы юстиции от негодных работников [Сталин, 1949. Т. 11. С. 3–4]. В руководстве Сибирского края отважиться на защиту местных органов прокуратуры и суда никто не решился. Вся эта ситуация показывала, что, как и большинство коммунистов, в вопросах регулирования социально-политических и экономических отношений в стране И. В. Ста-

¹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1155. Л. 299.

лин в меньшей степени ориентировался на нормы закона, полагаясь на революционную целесообразность.

Работники прокуратуры Сибири в этих условиях столкнулись с серьезными нарушениями законности, которым они, по существу, не могли противостоять. В деревню нагрянули многочисленные уполномоченные, которые производили обыски в хозяйствах крестьян, возбуждали уголовные дела, проводили следствие, причем зачастую все это осуществлялось самыми незаконными способами. Выехавшие в сельскую местность работники краевой и окружных прокуратур также работали очень интенсивно: например, сотрудники омской прокуратуры отработали в общей сложности 113 дней, сотрудники канской прокуратуры – 380 дней¹⁷.

Но редкие попытки прокуроров защитить правопорядок встречались в штыки. Дискредитация прокурорских работников Сталиным была воспринята работниками на местах как сигнал сверху, что можно не обращать внимания на представления прокуратуры. Так, прокурор третьего участка Канского округа поставил перед райкомом партии вопрос о недопустимости перегибов в проведении самообложения крестьянских хозяйств. Реакция райкома была своеобразной: прокурора исключили из партии. Прокурору третьего участка Новосибирского округа за возбуждение уголовного дела против уполномоченного, допустившего преступные действия в дер. Васино Гутовского района, объявили выговор по партийной линии. За отказ выполнять незаконные директивы местных властей были сняты с работы по два участковых прокурора в Омском и Барнаульском округах¹⁸.

Чрезвычайные формы проведения хлебозаготовок противоречили интересам всех слоев крестьянства, а не только кулачества; крестьяне стали отвечать на беззаконие и произвол актами сопротивления¹⁹. Под давлением такой ситуации Сибкрайком ВКП(б) вынужден был в большей степени обращать внимание на представления прокуратуры, в которых сообщалось о наиболее грубых случаях нарушения законности. Так, 27 января 1928 г. краевой прокурор И. Д. Кунов направил в Сибкрайком ВКП(б) большую докладную записку, в которой были показаны перегибы при проведении решений «хлебной тройки», подчеркнув при этом, что подобная практика означает возвращение к «продразверсточным» методам работы. 16 февраля 1928 г. в крайком партии было направлено предложение краевой прокуратуры о сокращении практики применения ст. 107 УК, а также о подготовке директивы о возвращении крестьянам незаконно конфискованного имущества²⁰. Кроме того, 28 января, 17, 18, 20 февраля 1928 г. краевая прокуратура направляла в Сибкрайком ВКП(б) еще ряд документов (доклады, представления) о различных фактах нарушения законности на местах.

Решения крайкома партии и «хлебной тройки», подготовленные на основе документов прокуратуры, помогли ликвидировать некоторые наиболее очевидные перегибы и злоупотребления властью. Так, краевая «тройка» отменила постановления Кузнецкого окружкома партии и окрисполкома о возможности привлечения середняков к уголовной ответственности по ст. 107 УК²¹. Такие примеры показывают, что прокуратура пыталась все же в определенной мере отстаивать законность. Однако в большинстве случаев это было уже невозможно.

Падение авторитета прокуратуры, грубые нарушения законности вызвали у многих ее работников состояние растерянности и безнадежности. В органах прокурорского надзора стали частыми явления пьянства и аморального поведения. Примерно в половине окружных прокуратур Сибирского края были выявлены случаи пьянства и других нарушений морали²². Правда,

¹⁷ ЦХИДНИ КК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 176. Л. 175; Д. 192. Л. 31.

¹⁹ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1783. Л. 42, 43; Оп. 2. Д. 217. Л. 257–259.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 217. Л. 220.

²¹ Там же. Л. 354–355.

²² Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 183. Л. 18.

можно предположить, что в некоторых случаях обнаруженный якобы компромат на прокурорских работников мог быть предлогом для устранения принципиальных защитников законности.

Таким образом, можно сделать вывод, что чрезвычайщина в проведении хлебозаготовок внесла серьезные коррективы в работу органов прокуратуры Сибири. Если раньше сотрудники прокуратуры в большей степени ориентировались в своей деятельности на выполнение законов, то в новой ситуации главными ориентирами стали указания партийных органов, нацеленные на решение политических задач.

Грубое нарушение законности происходило и в других регионах страны, что отмечал Наркомат юстиции РСФСР в информационном бюллетене за май 1928 г.: «Некоторые отчеты определенно констатируют, что 1928 г. отбросил прокуратуру от ранее завоеванных позиций по линии революционной законности. Извращения и перегибы, безобразия имели место не потому, что не знают и делают ошибки, а потому, что вообще весь советский аппарат не совсем строго считается с вопросами законности». Но далее в бюллетене фактически признавалась неспособность прокуратуры отстоять законность: «Нужны силы другого порядка для того, чтобы вопросам революционной законности уделялось должное внимание»²³. В такой форме руководство НКЮ, по существу, подтверждало, что не прокуратура и суды, а партийные органы определяют состояние дел в сфере права.

Происходивший поворот в сторону применения чрезвычайных мер вызвал дезорганизацию и пассивность в действиях сотрудников сибирских органов прокуратуры, что в полной мере проявилось в ходе хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. Прокуратура в тех случаях, когда в поспешии законности были замешаны партийные органы на местах, предпочитала просто не вмешиваться.

2 июня 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) утвердил назначение краевым прокурором В. М. Бурмистрова, работавшего до этого прокурором Северо-Кавказского края и показавшего себя жестким и принципиальным работником. При проверке отчетности органов прокуратуры о работе в хлебозаготовительной кампании первой половины 1929 г. новый краевой прокурор к своему удивлению не обнаружил документов, которые показывали бы борьбу с нарушениями законности. Бурмистров отправился с проверкой в Славгородский округ, а также направил комиссию для ревизии прокуратуры Рубцовского округа. По заключению краевого прокурора в обоих округах было обнаружено «громадное количество грубейших нарушений революционной законности... о которых окружные прокуроры молчали»²⁴.

В. М. Бурмистров обратился к партийному руководству края с просьбой об активизации усилий партийных органов по укреплению авторитета прокуратуры. 29 августа 1929 г. Сибкрайком партии направил окружкам циркулярное письмо, в котором ставились задачи по взаимодействию с органами прокуратуры. В частности, крайком обращал внимание на недопустимо частую смену прокурорских работников и мелочную опеку над ними со стороны партийных органов. Аналогичное письмо в адрес окружных контрольных комиссий ВКП(б) направила Сибирская краевая контрольная комиссия²⁵.

Предпринятые усилия по оживлению работы прокуратуры постепенно улучшали ситуацию. Об активизации прокуратуры свидетельствуют результаты ее работы в хлебозаготовительной кампании 1929/1930 г. На каждого работника окружных прокуратур приходилось в среднем 26 командировочных дней. Всего в командировках сотрудники органов прокуратуры Сибирского края проработали 2 269 дней, провели 1 895 обследований, в том числе, 528 обследований

²³ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1297. Л. 8.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 195. Л. 22.

²⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 3560. Л. 29; Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 177. Л. 90.

сельских советов, 398 обследований работы комиссий по хлебозаготовкам. На каждого сотрудника прокуратуры приходилось около 20 объектов обследования. Больше всех обследований провели работники рубцовской окружной прокуратуры, а также новосибирской, кузнецкой и барнаульской.

Показателем возросшей активности прокуратуры стало также большое количество возбужденных уголовных дел, особенно против работников районного и сельского звена. Только с сентября по ноябрь 1929 г. было возбуждено 26 уголовных дел против работников окружного уровня, 192 – против районных работников, 681 – против работников сельсоветов, 188 – против членов сельских комиссий, 153 – против руководителей колхозов, 380 – против работников заготовительных организаций, против других должностных лиц – 170 дел. Общее число уголовных дел составило 1 844, к середине декабря 1929 г. были осуждены 1 480 чел.²⁶

Но, с другой стороны, усилилось и давление на органы прокуратуры со стороны партийных органов. Осенью 1929 г. только по данным десяти округов Сибирского края были сняты с работы шесть прокуроров за так называемое искривление классовой линии [Работа органов юстиции..., 1930. С. 6].

Деятельность сибирской прокуратуры во второй половине 1929 г. показала, что ей в известной степени удалось оправиться от шока чрезвычайщины и продолжить работу по соблюдению законности. Но в новых условиях в позициях прокуратуры произошли серьезные перемены, выразившиеся, в частности, в отступлении от принципиальной защиты законности, выдвигании классового подхода на первое место в ущерб защите прав всех граждан.

30 мая 1930 г. на заседании коллегии НКЮ РСФСР было отмечено, что прокуратура Сибирского края решительно боролась за революционную законность в ходе прошедшей хлебозаготовительной кампании²⁷. Одновременно коллегия НКЮ констатировала «отсутствие необходимой для судебно-прокурорских работников устойчивости в противодействии окружным и, в особенности, районным влияниям и давлениям при допускаемых местными органами искажениях и извращениях линии партии и правительства, вплоть до вынесения приговоров, не отвечающих ни политическим, ни фактическим обстоятельствам дела, по прямым предложениям отдельных ответственных руководителей»²⁸. Приведенные формулировки из резолюции Коллегии НКЮ как нельзя лучше отражают реальное положение прокуратуры Сибири в конце исследуемого периода.

Подводя итоги рассмотрения темы, можно сказать, что в 1920-е гг. органы сибирской прокуратуры прошли сложный путь. После трудного периода становления прокуратура Сибири добилась определенных успехов в борьбе за укрепление советской законности, обеспечивая сравнительно стабильное функционирование правопорядка на принципах НЭП. Однако с 1928 г. в стране начался постепенный отход от НЭП и возвращение к методам управления, напоминающим времена «военного коммунизма». Этот поворот привел к резкой деформации законности и негативно отразился на всей работе прокуратуры. Прокурорский надзор все более приспособлялся к проведению сталинского курса, нацеленного на отказ от НЭПа и формирование командно-административной системы, в которой закон отодвигался на задний план, а приоритет отдавался волевым политическим решениям. К концу исследуемого периода прокуратура стала, прежде всего, органом, используемым партийным аппаратом для решения политических задач. Функции защиты законности в ее деятельности могли выполняться только в ограниченных рамках, определяемых партийными органами.

²⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 448. Л. 21.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 22. Л. 47–48.

²⁸ Там же.

Список литературы / References

- Булгаков Г. Н.** Прокуратура Новосибирской области: взгляд сквозь годы. Новосибирск: [Б. и.], 2002. 113 с.
Bulgakov G. N. Prokuratura Novosibirskoi oblasti: vzglyad skvoz' gody. [The Prosecutor's Office of the Novosibirsk Region: a Look through the Years]. Novosibirsk, 2002, 113 p. (in Russ.)
- Гридунова И. А.** Алтайская прокуратура в годы новой экономической политики: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 239 с.
Gridunova I. A. Altaiskaya prokuratura v gody novoi ekonomicheskoi politiki [Altai Prosecutor's Office during the Years of the New Economic Policy]. Ph. D. Thesis. Barnaul, 2010, 239 p. (in Russ.)
- Два года работы Сибирского исполнительного комитета советов. 1927–1928. Новосибирск, 1929. 201 с.
Dva goda raboty Sibirskogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov. 1927–1928 [Two Years of Work of the Siberian Executive Committee of the Councils 1927–1928]. Novosibirsk, 1929, 201 p. (in Russ.)
- Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.** Распятые революцией. Российские и советские прокуроры. XX век. 1922–1936. М.: РОССПЭН, 1998. 511 с.
Zvyagintsev A. G., Orlov Yu. G. Raspyatyte revolyutsiei. Rossiiskie i sovsietkie prokurory. XX vek. 1922–1936 [Crucified by the Revolution. Russian and Soviet Prosecutors. 20th Century. 1922–1936]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 511 p. (in Russ.)
- Из истории прокуратуры Российской Федерации. 1917–1932. М.: Политиздат, 1967.
Iz istorii prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 1917–1932 [History of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1917–1932]. Moscow, Politizdat, 1967. (in Russ.)
- Исаев В. И., Михеев Д. Ю., Угроватов А. П.** Между политикой и правом: суды Сибири в 1920-е – 1930-е гг. Новосибирск: Параллель, 2014. 280 с.
Isaev V. I., Mikheev D. Yu., Ugrovatov A. P. Mezhdru politikoii i pravom: sudy Sibiri v 1920-e – 1930-e gg. [Between Politics and Law: the Courts of Siberia in the 1920s – 1930s]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2014, 280 p. (in Russ.)
- Кокоурова Н. А.** История органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1920–1930 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 238 с.
Kokourova N. A. Istoriya organov suda i prokuratury Irkutskoi oblasti v 1920–1930 gg. [History of the Court and Prosecutor's Office of the Irkutsk Region in 1920–1930]. Ph. D. Thesis. Irkutsk, 2006, 238 p. (in Russ.)
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 494 с.; Т. 4. 575 с.
KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1984, vol. 3, 494 p.; vol. 4, 575 p. (in Russ.)
- Кудрявцев В., Трусов А.** Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.
Kudryavtsev V., Trusov A. Politicheskaya yustitsiya v SSSR [Political Justice in the USSR]. Moscow, Nauka, 2000, 365 p. (in Russ.)
- Курицын В. М.** Становление социалистической законности. М.: Наука, 1983. 193 с.
Kuritsyn V. M. Stanovlenie sotsialisticheskoi zakonnosti [The Formation of the Socialist Authority]. Moscow, Nauka, 1983, 193 p. (in Russ.)
- Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. 729 с.
Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Politizdat, 1970, vol. 45, 729 p. (in Russ.)
- Марина И. Х.** Прокуратура Сибири в период восстановления народного хозяйства (1922–1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. 37 с.
Marina I. Kh. Prokuratura Sibiri v period vosstanovleniya narodnogo khozyaistva (1922–1925 gg.) [The Prosecutor's Office of Siberia in the Period of Restoration of the National Economy (1922–1925)]. Abstract of Ph. D. Thesis. Moscow, 1973, 37 p. (in Russ.)
- Мокеев В., Лаговьер Н.** На страже революционной законности: очерки работы прокуратуры РСФСР за 1922–1925 гг. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 121 с.

- Mokeyev V., Lagovier N.** Na strazhe revolyutsionnoi zakonnosti: ocherki raboty prokuratury RSFSR za 1922–1925 gg. [Guarding Revolutionary Legality: Essays about the Work of the Prosecutor's Office of RSFSR 1922–1925]. Moscow, Izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1926, 121 p. (in Russ.)
- Око государево: прокуратура Алтайского края: история, события, люди.** Барнаул: ГИПП «Алтай», 2001. 221 с.
Oko gosudarevo: prokuratura Altaiskogo kraia: istoriya, sobytiya, lyudi [Eye of the Sovereign: the Prosecutor's Office of the Altai Region: History, Events, People]. Barnaul, GIPP "Altai", 2001, 221 p. (in Russ.)
- Отчет прокуратуры Президиуму ВЦИК за 1925 год.** М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 111 с.
Otchet prokuratury Prezidiumu VTsIK za 1925 god [The 1925 Report of the Prosecutor to the Presidium of the Central Executive Committee]. Moscow, Izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1926, 111 p. (in Russ.)
- Отчет 4-го губернского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Томской губернии. 1–5 декабря 1923 г.** Томск: [Б. и.], 1924. 80 с.
Otchet 4-go gubernskogo s'ezda sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Tomskoi gubernii. 1–5 dekabrya 1924 g. [Report of the 4th Provincial Congress of the Workers Council, Peasants and Red Army Deputies of the Tomsk Province. 1–5 December 1924]. Tomsk, 1924, 80 p. (in Russ.)
- Работа органов юстиции Сибкрая. Краткий отчет крайсуда и крайпрокуратуры за время: сентябрь 1929 – май 1930.** Новосибирск: [Б. и.], 1930. 121 с.
Rabota organov yustitsii Sibkraya. Kratkij otchet kraiusuda i kraiprokuratury za vremya: sentyabr' 1929 – mai 1930 [The Work of Justice in Siberia. A Brief Report of the Regional Court and Prosecuting Authority between September 1929 – May 1930]. Novosibirsk, 1930, 121 p. (in Russ.)
- Рассказов Л. П.** Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994. 465 с.
Rasskazov L. P. Karatel'nye organy v protsesse formirovaniya i funktsionirovaniya administrativno-komandnoi sistemy v Sovetskom gosudarstve (1917–1941 gg.) [Retributory Institutes during the Process of Formation and Functioning of the Administrative-Command System in the Soviet State 1917–1941]. Ufa, 1994, 465 p. (in Russ.)
- Советская прокуратура: очерки истории.** М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1993. 136 с.
Sovetskaya prokuratura: ocherki istorii [Soviet Prosecutor's Office: Essays about its History]. Moscow, Izdatel'stvo NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1993, 136 p. (in Russ.)
- Советская прокуратура: страницы истории.** М.: Юрид. лит., 1982. 348 с.
Sovetskaya prokuratura: stranitsy istorii [Soviet Prosecutor's Office: Pages of History]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1982, 348 p. (in Russ.)
- Сталин И. В.** Сочинения. М.: Политиздат, 1949. Т. 11. 400 с.
Stalin I. V. Sochineniya [Works]. Moscow, Politizdat, 1949, vol. 11, 400 p. (in Russ.)
- Теребилов В. И.** Законность и правосудие в СССР. М.: Политиздат, 1987. 224 с.
Terebilov V. I. Zakonnost' i pravosudie v SSSR [Law and justice in the USSR]. Moscow, Politizdat, 1987, 224 p. (in Russ.)
- Угроватов А. П.** НЭП и законность (1921–1929 гг.). Новосибирск: [Б. и.], 1997. 107 с.
Ugrovatov A. P. NEP i zakonnost' (1921–1929 gg.) [The NEP and Lawfulness (1921–1929)]. Novosibirsk, 1997, 107 p. (in Russ.)
- Яковлев Я. А., Рассамыхин Ю. К.** Рассказы о томской прокуратуре. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Т. 1. 496 с.; Т. 2. 310 с.
Yakovlev Ya. A., Rassamakhin Yu. K. Rassказы o tomskoy prokurature [Stories about the Tomsk Prosecutor's Office]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU, 2004, vol. 1, 496 p.; vol. 2, 310 p. (in Russ.)

Список источников / Sources

- Известия Сибкрайкома РКП(б) / ВКП(б). 1925. № 1, 4/5, 6/7; 1926. № 1–5, 7, 8; 1927. № 6/7.
Izvestiya Sibkraikoma RKP(b) / VKP(b) [Proceedings of Regional Party Authority in Siberia of the RCP(b) / VKP(b)], 1925, no. 1, 4/5, 6/7; 1926, no. 1–5, 7, 8; 1927, no. 6/7. (in Russ.)

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1922. М.: Управ. делами СНК РСФСР, 1922. № 36. Ст. 424.

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1922 [Collection of Laws and Orders of the Workers and Peasants Government of the RSFSR in 1922]. Moscow, Upravlenie delami SNK RSFSR, 1922, no. 36, 424 p. (in Russ.)

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1925. М.: Управ. делами СНК РСФСР, 1925. № 82. Ст. 619.

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1925 [Collection of Laws and Orders of the Workers and Peasants Government of the RSFSR in 1925]. Moscow, Upravlenie delami SNK RSFSR, 1925, no. 82, 619 p. (in Russ.)

Советская Сибирь. 1923. 7 сент.; 1925. 12 июля, 13 авг.; 1926. 9 марта, 3 авг., 20 нояб.

Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia], 1923. Sept. 7; 1925. July 12, Aug. 13; 1926, March 9, Aug. 3, Nov. 20. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

23.09.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН (Новосибирск), профессор Новосибирского военного института войск национальной гвардии РФ (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Новосибирск, 630114, Россия, history49@mail.ru)

Viktor I. Isaev, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Sector of History of Social-Economic Development, Institute of History of the SB RAS (Novosibirsk); Professor, Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; 6/2 Klyuch-Kamyshenskoe Plateau Str., Novosibirsk, 630114, Russian Federation, history49@mail.ru)

Михеев Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского военного института войск национальной гвардии РФ (ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Новосибирск, 630114, Россия, dimamix@list.ru)

Dmitry Yu. Mikheev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (6/2 Klyuch-Kamyshenskoe Plateau Str., Novosibirsk, 630114, Russian Federation, dimamix@list.ru)